

IV. Дурен ли Человек сам по себе?

Сторонники власти говорят для оправдания своей точки зрения, что «человек слишком дурен для того, чтобы ему можно было предоставить самому руководить собой». «Для этого нужно переделать человека», отвечают обыкновенно анархистам, когда они говорят об обществе, основанном на солидарности, на полном равенстве, на полной свободе личности, об обществе без всяких законов и без всякого принуждения.

Что человек дурен, это – правда, но, может быть, он способен измениться к лучшему, или к худшему? Может-ли он, в его настоящем состоянии, измениться в хорошую или дурную сторону? Может-ли он усовершенствоваться или, наоборот, понизиться в своем физическом и нравственном уровне? Если эволюция его в ту или другую сторону возможна – что показывает нам история – то мы должны рассмотреть, какова в ней роль всех унаследованных от прошлого законов, всего механизма прошлых учреждений: стремятся-ли они сделать человека лучше, или, наоборот, хуже? Ответив на этот вопрос, мы разрешим, вместе с тем и другой вопрос, а именно: что нужно прежде всего преобразовать – современного-ли человека или современное общественное устройство?

Никто в настоящее время не отрицает огромного влияния физической среды на физическое строение человека; тем мене можно отрицать влияние среды нравственной и умственной на его психологию.

На чем основано современное общество? Содействует-ли оно установлению гармонии между людьми, устроено-ли оно так, что всякий вред, нанесенный одному из его членов, чувствуется всеми и все имеют возможность уменьшить или предупредить данное вредное влияние? Вытекает-ли в нем частное благосостояние из общего и не заинтересован-ли кто-нибудь в нарушении правильности его функционирования? Дает-ли общество, управляемое всевозможными властями, королями, священниками и купцами, простор широким, гуманным идеям и не старается ли оно, напротив, подавить их? Не пользуется-ли оно для угнетения слабых сильными грубой силой денег, отдающей наиболее бескорыстных и наименее эгоистичных людей в распоряжение корыстолюбивых и беззастенчивых?

Достаточно изучить механизм буржуазного общества, чтобы увидеть, что от него нельзя ждать ничего хорошего. В самом деле, стремление ко всему доброму и прекрасному должно было быть очень живучим в человеке, если его до сих пор не подавило то корыстолюбие, тот узкий, бессмысленный эгоизм, который наше официальное общество прививает ему с колыбели. Это общество основывается, как мы уже говорили, на антагонизме интересов и делает из каждого человека врага другого. Интерес продавца противоположен интересу покупателя; скотовод и земледелец только и хотят, чтобы хозяйство соседа пострадало от

эпидемии или града, чтобы продать подороже свои собственные продукты; иногда они, кроме того, обращаются к государству, которое «покровительствует» им, налагая высокие пошлины на их конкурентов; развитие машин вносит все большее и большее разделение в среду рабочих: они оказываются выброшенными на улицу и борются друг с другом за получение работы, спрос на которую у работодателя становится все ниже и ниже предложения, которое дают рабочие. Все в нашем традиционном обществе ведет к противоположению интересов. Почему, например, существует бедность и безработица? Потому что магазины переполнены товарами. Почему людям до сих пор не пришло в голову сжечь их, или завладеть ими в свою пользу, чтобы создать те рынки, которых их эксплуататоры ищут в далеких странах, и получить ту работу, в которой им отказывают теперь? «Потому что они боятся полиции», ответят нам. Этот страх несомненно существует, но его одного еще недостаточно для объяснения такой бездеятельности со стороны бедняков. Сколько бывает в ежедневной жизни случаев, когда человек может сделать какое-нибудь зло без всякого риска, и все-таки не делает его, из каких-то других соображений, помимо страха полиции. Да кроме того, если бы все бедняки какого-нибудь большого города, например, Парижа, собрались вместе, то их оказалось бы так много, что им нечего было бы бояться полиции: они могли бы выдержать борьбу с ней в течение целого дня, а за это время очистить магазины и хоть раз наесться досыта. Разве страх удерживает людей, идущих в тюрьмы за бродяжничество и нищенство, между тем как для них было бы нисколько не опаснее взять самим то, что они теперь выпрашивают? Нет, все зависит оттого, что помимо страха у людей есть общественные инстинкты, которые мешают им делать зло ради зла и заставляют их подчиняться самым большим стеснениям только потому, что они считают их необходимыми для правильного функционирования общества.

Неужели можно было бы силой поддержать уважение к собственности, если бы в уме людей не существовало вместе с тем понятия о ней как о чем-то законном, приобретенном личным трудом? Разве когда-нибудь самые суровые наказания мешали нарушать ее тем, кто, не заботясь, законна она или незаконна, хотел жить на чужой счет? Если бы у людей в самом деле была та склонность ко злу, которую им приписывают, то можно себе представить, что произошло бы, когда, разобравшись в своем бедственном положении, они увидели бы, что его причина лежит в частной собственности: общество перестало бы существовать, а вместо него воцарилась бы «борьба за существование» в самом жестоком смысле слова; это было бы настоящее возвращение к варварству. Именно его стремление к «добру» было причиной того, что человек всегда позволял себя угнетать, поработать, обманывать и эксплуатировать и что до сих пор он избегает пользоваться, хотя бы для своего окончательного освобождения насильственными средствами.

В сущности, когда нам говорят, что человек дурен сам по себе, и что ни на какое изменение в этом отношении рассчитывать нечего, это сводится к следующему рассуждению: «Человек дурен, общество плохо устроено; к чему же терять время на достижение для человечества такого совершенства, которое для него невозможно? Постараемся лучше, по возможности, проложить дорогу себе самим. И если даже наши удовольствия будут куплены ценой слез и крови тех жертв, которыми мы усеяли наш путь, то не всё ли равно? Нужно топтать других, если не хочешь быть сам растоптанным, а затем пусть тот, кто вышел победителем, устраивается как хочет!»

Привилегированные классы сумели установить свое господство, усыпить рабочих и превратить их в своих защитников, сначала обещая им лучшую жизнь – в другом мире, – затем, когда вера в Бога исчезла, проповедуя мораль, патриотизм, общественную пользу и т. п., наконец, в настоящее время, внушая им надежду на то, что всеобщее избирательное право даст им всевозможные реформы и улучшения, в действительности не осуществимые (потому что нельзя уничтожить зло современного общества до тех пор пока не разрушена самая причина этого зла, пока не преобразовано само общество); но пусть только эти эксплуататоры бедняков попробуют провозгласить чистое право сильного, и они увидят, долго-ли продолжится их господство: на силу им ответят силой!

В те времена, когда человек впервые начал группироваться с другими себе подобными, он был, вероятно, скорее еще животным, чем человеком и представления о нравственности и справедливости у него не существовало. Ему приходилось бороться с другими животными, бороться со всей окружающей природой; первые человеческие общества были, поэтому, вызваны, по всей вероятности, не чувством солидарности, а необходимостью соединить отдельные силы. Эти общества, несомненно были вначале лишь временными и имели в виду лишь ловлю добычи, устранение различных препятствий, а позднее – отражение или уничтожение нападающего врага. Только по мере того, как общества функционировали, люди начали понимать всю их важность; общества стали тогда переживать первоначально намеченную цель и понемногу сделались постоянными.

Но в то же время эта жизнь, полная непрерывной борьбы должна была неизбежно развить в личностях кровожадные и деспотические инстинкты: слабым приходилось подчиняться гнету сильных, а иногда и служить им в пищу. Лишь гораздо позднее, вероятно, наступило время, когда наравне с силой начала господствовать хитрость.

Нужно сознаться, что когда мы изучаем человека в эту раннюю пору его существования, он представляется нам довольно несимпатичным животным; но раз он смог развиться до своего теперешнего состояния, раз он смог усвоить для себя понятия и идеи, которые отсутствовали у него раньше, то зачем ему останавливаться на этой точке и не идти дальше? Отрицать возможность дальнейшего прогресса было бы также нелепо, как если бы, в то время, когда человек жил в пещерах и не имел ничего другого для своей защиты кроме каменного оружия или палки, кто-нибудь сказал, что он никогда не будет способен строить блестящие города и пользоваться паром и электричеством. Почему человеку, сумевшему приспособить к своим нуждам подбор домашних животных, не сумеет направить свой собственный подбор по пути добра и красоты, о которых он уже начинает составлять себе понятие?

Человек мало-помалу развивался и продолжает развиваться каждый день. Его понятия подвергаются постоянным изменениям. Физическая сила, если и служит до сих пор авторитетом, то во всяком случае уже не является предметом прежнего поклонения. Развились представления о нравственности, справедливости, солидарности; теперь они уже приобрели такую силу, что привилегированные классы должны, для поддержания своих привилегий, внушать людям, что их эксплуатируют и угнетают для их же пользы.

Но этот обман не может длиться долго. Люди уже начинают чувствовать, что им тесно в нашем плохо устроенном обществе; стремления, зародившиеся целые века тому назад, но до сих пор бывшие лишь неполными и единичными, начинают принимать определенную форму и находить себе сочувствие даже в рядах тех, кого можно включить в число привилегированных личностей нашей современной общественной организации. Нет ни одного человека, который бы хоть раз в жизни не почувствовал себя возмущенным против современного общества, находящегося под властью умершего прошлого, – общества, которое точно задалось целью оскорблять нас во всех наших чувствах, поступках и стремлениях, и от которого человек тем больше страдает, чем больше он развивается. Идеи свободы и справедливости получают более определенное выражение, люди, провозглашающие их, еще пока составляют меньшинство, но меньшинство уже настолько сильное, что правящие классы начинают беспокоиться и бояться.

Итак, мы видим, что, подобно всем другим животным, человек есть ничто иное как продукт процесса развития, обусловленного средой, окружающей его, и условиями существования, которым он должен подчиняться или с которыми должен бороться. Но в отличие от других животных – или, по крайней мере, в большей степени, чем они – он выучился понимать свое происхождение и иметь известные стремления по отношению к будущему; от него самого зависит поэтому устранить то зло, которое ошибочно считают связанным с самим его существованием. А раз он создаст себе иные условия жизни, то он изменится и сам.

Помимо этого, вопрос можно формулировать следующим образом: имеет ли право человек – хорош он или дурен – жить как ему хочется и возмущаться, когда его эксплуатируют или, когда его хотят принудить к таким условиям жизни, которые внушают ему отвращение? В настоящее время люди, стоящие у власти и пользующиеся привилегией материального благосостояния, считают себя лучшими, но стоит только «худшим» свергнуть их, занять их место и поменяться ролями, как у них будет ровно столько же права считать себя лучшими, как и у тех.

Существование частной собственности, вследствие которой все общественное богатство сосредоточивается в руках немногих, дало этим немногим возможность жить паразитами на счет эксплуатируемой массы, весь труд которой идет на поддержание их роскошной и бездеятельной жизни или на защиту их интересов. Такое положение, в несправедливости которого те, которые страдают от него, уже уверились, не может долго продолжаться. Рабочие потребуют возможности свободно пользоваться продуктами своего труда и, если им будут продолжать в этом отказывать, они прибегнут к восстанию; тогда буржуазия может сколько угодно прятаться за соображение о том, что человек вообще дурен: революция все равно совершится. И вот, если действительно человек неспособен к совершенствованию – а мы видели, что это неверно, – тогда начнется борьба appetitов; буржуазия, как бы не была она жадна, окажется во всяком случае побежденной, потому что она будет в меньшинстве. Если же человек дурен только потому, что его делают таким существующие учреждения, то он сможет подняться до такого общественного строя, который будет содействовать его нравственному, умственному и физическому развитию, и сумеет преобразовать общество в направлении солидарности интересов. Но, как бы то ни было, революция во всяком случае, произойдет. Сфинкс ставит перед нами этот вопрос и мы без страха отвечаем на него, потому что мы, анархисты – разрушители законов и собственности – знаем ключ к его разгадке.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 8 июля 2025 17:07:12

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 8 июля 2025 17:07:23